

1. СОЮЗ РЕАЛИСТОВ

В 1996 году я понял, что капитализм с нечеловеческим мурлом пришел в Отечество всерьез и надолго. Растаяли, «как утренний туман», надежды на триумфальное возвращение социализма при сохранении, конечно, разумного частного предпринимательства и свободы слова. Президента Бориса Ельцина, который после расстрела Белого дома и провала реформ был годен разве на роль подсудимого, с трудом переизбрали на новый срок. В этой борьбе за Кремль я был всецело на стороне коммуниста Зюганова, причем, не мысленно или душевно, а практически. Незадолго до решающего голосования мне позвонил режиссер Владимир Меньшов и предложил... Впрочем, расскажу все по порядку.

Избирательную катавасию я влез вполне закономерно. В 1994-м, придя в себя после жестокого разгрома оппозиции, я включился в деятельность Союза реалистов, созданного и возглавленного Юрием Владимировичем Петровым. В свое время он был заместителем Ельцина в Свердловском обкоме КПСС, а потом стал первым главой президентской администрации, откуда ушел, не согласившись с кровавым подавлением протестов в октябре 1993-го. Организационную работу в Союзе вела Нина Борисовна Жукова – могучая женщина, которая на скаку остановила бы не только коня, а целый кавалерийский корпус, усиленный бронетехникой. При советской власти она работала заместителем министра культуры РСФСР Юрия Серафимовича Мелентьева, большого умницы и русофила. Жукову «ушли», когда во главе ведомства демократы посадили Евгения Сидорова, выпускника Высшей партийной школы и левого литературного критика. Он всегда имел свое соб-

ственное мнение, неизменно совпадавшее с точкой зрения начальства.

В Союзе реалистов тогда «с холода» набежало много народу: ученые, журналисты, экономисты, писатели, деятели культуры, политологи, отставные военные, бывшие совпартработники... Всех их объединяло стойкое неприятие компрадорского курса, презрение к Ельцину, уважение к советской эпохе и вера в «инкарнацию» социализма. От КППРФ реалисты отличались социал-демократической умеренностью. Петров, уйдя со Старой площади, возглавил крупную госкорпорацию, размещенную в огромном здании на Мясницкой, и «Реалисты», судя по роскошным фуршетам, в средствах не нуждались. Подозреваю, Юрий Владимирович по умолчанию остался в команде Ельцина, получив задание оттянуть от коммунистов умеренных сторонников советского проекта. Видимо, это было частью разработанного не без помощи США плана дробления оппозиции. Так, радикальные коммунисты сплотились вокруг неистового Виктора Анпилова, как нарочно похожего на булгаковского Шарикова. О том, что Анпилов, вопреки своему политическому амплуа, – интеллектуал и полиглот, я узнал много позже.

Внешность и эфирные повадки лидеров, дробивших оппозицию (Зюганов, Анпилов, Жириновский, генерал Стерлигов и др.), умело использовались телевидением, с потрохами продавшимся власти. Юрий Владимирович, как и положено социал-демократу, был подтянут, сдержан и приятен во всех отношениях. Таким его можно сегодня увидеть на Троекуровском кладбище. У ног бронзового, в натуральную величину Петрова, стоящего на мраморном основании, застыла в безмолвном лае его любимая собачка – тоже бронзовая.

На самую первую встречу в Союз реалистов меня пригласил кто-то из комсомольских сподвижников, кажется, Юрий Бокань, возглавлявший одно время отдел культуры ЦК ВЛКСМ. Он был философом-футурологом и йогом. Иногда, зайдя к нему в приемную, приходилось терпеливо ждать, так как Бокань в это время, по словам смущенной секретарши, стоял в кабинете на голове. На первом круглом столе у «Реалистов» я страстно выступил, заявив, что все происходящее в стране вызывает у меня холодную ярость. Жукова и Петров переглянулись, вероятно, решив: такой прямодушный и темпераментный писатель им не помешает.

На каком-то из заседаний в 1994-м я и познакомился с Владимиром Меньшовым, приняв его поначалу за Говорухина, возможно, с пьяных глаз, так как после круглых столов мы переходили к столам фуршетным. Не осрамился я чудом. В моем портфеле лежал свежий экземпляр «Демгородка», вышедшего в издательстве «Инженер» стараниями другого моего комсомольского товарища Вячеслава Копьева, и мне захотелось подписать книжку новому знакомому. К счастью, я успел спросить Боканя, пробежавшего мимо с бокалом бордо:

- Юрий Иванович, как отчество Говорухина?
- Кого-кого?
- Вон того... «Место встречи изменить нельзя».
- Охренел? Это Меньшов. «Москва слезам не верит».

Меньшов позвонил мне буквально на следующий день, сказал, что читал «Демгородок» всю ночь, смеялся, плакал, скрежетал зубами, поэтому мы должны вместе написать что-нибудь для кино. Удивительные люди режиссеры! Если им понравился твой роман, они никогда не скажут: «Юра, давай я его экранизирую!» Они предложат в соавторстве написать что-нибудь похожее, но другое... О том, как мы с Владимиром Валентиновичем писали сценарий и чем все закончилось, подробно рассказано в моем эссе «Треугольная жизнь» из цикла «По ту сторону вдохновения».

Став активным участником Союза реалистов, вскоре переименованного в движение «За новый социализм», я горячо выступил с идеей издавать литературно-художественный альманах «Реалист», и получил поддержку Жуковой. Альманах, по моему замыслу, должен был сплотить наследников советской литературы, сильно потесненных постмодернистами и прочими реформаторами словесности, которых тогда активно продвигала, буквально навязывая читателям, власть. Особенно старался глава администрации президента Сергей Филатов. Он вырос в семье поэта, руководившего заводским литобъединением «Вагранка», и по этой причине считал себя человеком литературным, хотя на самом деле в изящной словесности разбирался не больше, чем дятел в деревянном зодчестве. Жесткая ставка на безродный горластый авангард сочеталась с хамоватым пренебрежением к «традиционалистам», их старательно не замечали, оттеснив на обочину культурной жизни. Про смерть Владимира Солоухина, например, даже не сообщили по телевидению, хотя насморк вернувшегося из эмиграции Войновича обсуждался на всех каналах.

Кстати, мастера традиционного направления не впервые страдали от перемены политического режима в стране. Так, будучи на Соловках, я в музее ГУЛАГа обнаружил на стенде высказывание одного из именитых сидельцев. Он писал: среди заключенных встречается множество актеров, режиссеров, писателей и художников «старой школы», а попали они сюда из-за робких попыток противостоять напору новаторов, вроде Мейерхольда, тесно связанных с НКВД-ОГПУ. Между прочим театр, созданный на Соловках с благословения просвещенного начальства, назвали ХЛАМ: художники, литераторы, актеры, музыканты. Вот так! Впрочем, о том, как Казимир Малевич с маузером гонялся за недобитыми передвижниками, я слышал и раньше. Когда в следующий раз будете кручиниться над печальной судьбой разрушителей

традиций, вспоминайте, что они всегда первыми начинают решать эстетические споры силой, а бумеранг истории имеет счастливую особенность возвращаться и бить по дурной голове.

Весной 1995 года мы выпустили в свет первый номер альманаха «Реалист». Среди авторов были Михаил Алексеев, Анатолий Афанасьев, Иван Стаднюк, Владимир Соколов, Андрей Дементьев, Борис Примеров, Константин Ваншенкин, Юрий Разумовский, Владимир Крупин, Анатолий Ланщиков... Цвет поздней советской литературы, грубо задвинутый в темный угол. В предисловии к альманаху я писал: «Мы живем в пору, когда на смену разрушенной (не без помощи отечественной литературы) советской мифологии спешно конструируется новая мифологизированная идеология, призванная закрепить в общественном сознании перемены, что произошли за последние годы. Растаскивание единой страны, обнищание основной части населения, упадок культуры — все это подается как естественный и даже необходимый для переходного периода процесс, а не результат бездарности, близорукости и безответственности политиков, готовых в борьбе за власть пожертвовать будущим Отечества. Новая мифология культивирует в людях комплекс исторической неполноценности, а нынешний развал трактуется как возмездие за «первородный грех» социализма... Страна снова пошла по пути великих потрясений, которые ведут только к крови, несправедливости и краху государственности. Мы видим это, признаем и хотим противопоставить «новому агитпропу» реальный взгляд на вещи. Именно поэтому наш альманах называется «Реалист».

Мы живем в пору мощнейшего, гунноподобного натиска западной массовой культуры, являющейся составной частью общей экспансии, обрушившейся на Россию. Мыльная пена, хлещущая с телевизионных экранов, миллионные издания бездарного западного чтива, пошлая клоунада, выдаваемая за смелое новаторство, сочетаются с оче-

видной поддержкой направлений, которые никогда не были ведущими в отечественной культуре. Антисоциальность, равнодушие к судьбе страны, к ее национальным ценностям, вымученный модернизм — навязываются ныне как признаки хорошего тона и приверженности общечеловеческим ценностям. Все это старательно поддерживается различными премиальными фондами, сознательно дезориентирующими творческую молодежь и не только молодежь. Вместе с идеологической заданностью соцреализма за бортом оказался и сам реализм... Литература, продолжающая традиции «золотого 19-го века» и развивающая лучшие достижения «железного» 20-го, с трудом находит себе дорогу на страницы периодической печати. Рупором писателей-реалистов и должен стать наш альманах...»

Я позволил себе столь обширную цитату не из тщеславия, а лишь затем, чтобы показать: глубинные механизмы происходившего в культуре были понятны нам уже в ту пору. Это приспособленцы прозревают тогда, когда оскудевает рука дающего, и плюют в прошлое с прицельным энтузиазмом. Благодаря щедрости Жуковой, мы устроили хлебосольную презентацию первого номера в ЦДЛ. Кроме того, я раздавал в конвертах гонорар — от ста до двухсот долларов. Герой Социалистического Труда Михаил Николаевич Алексеев, один из самых состоятельных советских классиков, вскрыв конверт, заплакал. Отчего? Это отдельный разговор! Во-первых, гонораров тогда почти нигде, кроме «глянца», «демпрессы» и соросовских толстых журналов, не платили. Во-вторых, это были немалые по тем временам деньги, пенсия-то равнялась десяти долларам, а на сотню наша семья из трех человек могла жить почти месяц. В-третьих, большинство обеспеченных граждан, ничего не понимавших в финансах, лишилось всех накоплений еще в 1991-м в результате галопирующей инфляции. Так, моя теща Любовь Федоровна, вдова высокооплачиваемого летчика-испытателя,

в одночасье потеряла все сбережения. Она до конца верила государству и посмеивалась над моими советами вложить деньги во что-то ликвидное...

Либеральные издания встретили выход «Реалиста» в штывы, справедливо увидев в этом признак консолидации консервативных сил и оживления русского самосознания. Издевались, как могли, но это нормально: идейно-эстетическая борьба в литературе была всегда. Обидно другое: когда через пять лет заявили о себе «новые реалисты», ни один из них не вспомнил про наш альманах, хотя многие там печатались. Упорное нежелание знать или признавать достижения предшественников вообще отличает поколение тех, кто объявился в литературе в нулевые годы. А ведь учиться можно только у предшественников, отсюда на редкость низкий профессиональный уровень современной прозы и поэзии, устаревающей, когда еще не просохли чернила.

«Реалист» выходил еще дважды, прекратив существование в 1997 году, так как полуживого Ельцина переизбрали на новый срок, и как-то сразу сократились траты на подкуп медийной интеллигенции и растаскивание оппозиционных сил. Зато челядь победившего гаранта начала бешено скупать собственность за границей. Роскошные виллы «новых русских», в основном ельцинской политической и финансовой obsługi, на Лазурном берегу мне со знанием дела показывал знаменитый русист Ренэ Герра, когда я гостил у него в Ницце.

— Ну как вам? — спросил он.

— Впечатляет.

— Раньше здесь жила наша аристократия, а теперь...

— А теперь... наша плутократия и просто плуты...

Но самое грустное: эти виллы и нищие русские города — сообщающиеся, по сути, сосуды. Сколько здесь прибывает, столько там, в России, убывает...

— А почему же не строят в Москве баррикады?

— С наших баррикад больно падать, — вздохнул я.

2. БОРИСКУ А ЦАРСТВО?!

Однако до последнего момента исход президентской гонки 1996 года оставался непредсказуем. Все авиабилеты за рубеж были раскуплены на несколько недель вперед — до инаугурации. Боялись победы коммунистов и возмездия за разгром единой страны, пятилетку шулерской демократии, криминального беспредела, тупого разоружения, деиндустриализации и «расколхоживания». В метро открыто спорили о том, кого надо первым повесить на фонаре перед Моссоветом, выкрикивая разные имена: Гайдар, Шахрай, Шумейко, Немцов, Попов, Собчак, Грачев, Козырев, Юмашев, Ерин, Березовский, Гусинский, Бурбулис... На Чубайсе дружно сходились все. Я тоже кипел. Для понимания того, насколько непримирима была борьба и какие гроздыя гнева зрели в душах, приведу несколько моих эпиграмм тех лет:

НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ

*Шторм не опасен бригадине —
Хоть волны хлещут через край.
Не тонет и Сергей Шахрай,
Но по совсем другой причине!*

КОЗЫРЕВ

*За сытный атлантический фуршет
Он Сахалин с Курилами продаст.
Громьку величали мистер «Нет»,
А Козырева кличут мистер «Да-с».*

ЧЕРНОМЫРДИН

*Мне чья-то запомнилась фраза:
«Россия такая страна,
Где можно при помощи газа
И муху раздуть до слона!»*

ГРИМАСА ИСТОРИИ

*Знать, мы прогневили Всевышнего,
Что шлет нам таких подлецов.
Все Минина ждали из Нижнего,
А выполз какой-то Немцов...*

ГОССЕКРЕТАРЬ БУРБУЛИС

*Аптека. Улица. Фонарь.
На фонаре — госсекретарь...*

Ельцин, возникая на телеэкране, производил впечатление тяжело больного человека, окончательно подорвавшего здоровье водкой. Его низкий ноющий голос, похожий на вой авиационной бомбы, лично у меня вызывал зубную боль. Кампания велась с чудовищными нарушениями закона, «демокрады» (словечко, кстати, запустил я в одной из моих статей) и словоблуды, засевшие в СМИ, как с цепи сорвались. Не было такой клеветы и напраслины, которую они не лили бы на оппонентов. В миллионах почтовых ящиков регулярно появлялась газетка «Не дай Бог!», выпускавшаяся специально к выборам. Я в ту пору общался с одной полиграфисткой, так вот она от чтения этого «боевого листка» впала в такой ужас, что ее буквально трясло от страха перед «реставрацией совка», хотя от дикого капитализма ей вообще ничего хорошего не перепало.

Информационное поле напоминало общенациональный разлив помоев. Концентрированный яд антикоммунизма буквально хлестал с телеэкрана, особенно запомнилась Татьяна Миткова, она ежедневно вбивала в доверчивые мозги «дорогих россиян» страшную мысль о новом ГУЛАГе. Да еще из студии НТВ злобно нудил Киселев. Никита Михалков пустил в массы притчу о хромом верблюде, который станет вожаком, если караван повернет туда, откуда пришел. Шутку дружно подхватили, появилась карикатура: двугорбый, вислогубый Зюганов

разворачивает грязный караван по имени «Россия» в сторону от чудесного оазиса на горизонте. Мне позвонил мой возмущенный друг Гена Игнатов:

— Идиоты! Они забыли, что в пустыне бывают миражи!

Иногда на экране возникал и сам «хромой верблюд» — зловещий Зюганов, взятый в таком умело-издевательском ракурсе, что доминантами его явно не античного лица оказывались бородавки. Из речей и выступлений лидера коммунистов попадали в эфир лишь оговорки и неудачные обороты. Если сюда добавить природную особенность его голоса (что-то вроде гудка тонущего миноносца), картина близкого красного реванша вырисовывалась во всем отчетливом кошмаре. Полной противоположностью «папе Зю» выглядел свежереанимированный Ельцин, он подписывал направо-налево щедрые указы и, трясая благородными сединами, плясал с простым народом «комаринскую», размахивая беспалой рукой.

— На производстве пострадал... — вздыхал сердобольный русский человек.

Тоже не златоуст, «Большой Бен» нес на митингах вздор, но из вязких речей агонизирующего президента умные политтехнологи технологи, вроде Павловского, вычленили лучшее, чистили, монтировали. В итоге эфирный двойник Ельцина отличался от оригинала примерно так же, как Илья Репин от Марка Шагала.

16 июня состоялся первый тур выборов. Ельцин набрал 35 процентов, Зюганов — 32, Лебедь — 14, Жириновский — 7, умный зануда Явлинский — всего 5. Разрыв между двумя лидерами оказался минимальным, что при мощном государственном ресурсе и доминировании «демокрадов» в СМИ выглядело как явная победа коммунистов. В лагере Ельцина запаниковали, стали искать выход. 18 июня генерал Лебедь, получив пост секретаря Совета Безопасности с особыми полномочиями, призвал свой электорат голосовать за ЕБН, как метко окрестила бухающего президента газета «Завтра»,

где я в ту пору активно печатался. Но это еще ничего не значило, многие сторонники Лебеда и Жириновского за Ельцина во втором туре, назначенном на 3 июля, голосовать не собирались. Коммунисты почуяли дыхание победы, а народ только ждал отмашки, чтобы снести до основания еще не укоренившийся капитализм вместе с «семибанкирщиной». Как я уже сказал, все билеты на самолеты, вылетающие за рубеж после 3-го, были раскуплены.

Впрочем, генерал Лебедь, прототип моего адмирала Рыка из «Демгородка», недолго пользовался плодами компромисса. Вскоре он объявил: «А теперь я займусь казнокрадами, коррупционерами и олигархами!» Судя по тому, как вел себя генерал позже, став губернатором Красноярского края, он и в самом деле был готов заняться ворьем, поэтому в октябре 1996-го его обвинили в подготовке переворота и безжалостно сместили со всех постов. Чувство благодарности в живой политике вообще не встречается.

О моей первой встрече с генералом Лебедем написано в эссе «Как я построил «Демгородок». Во второй раз наши пути пересеклись в 1998 году, когда «Реалисты» по поручению администрации поддерживали губернатора Красноярского края Валерия Зубова, на чье место как раз нацелился бывший секретарь Совбеза. Я сначала не хотел лететь в Красноярск, но у меня еще теплилась надежда на продолжение выпуска альманаха. Хозяин края Зубов произвел странное впечатление: маслянистые кудри, медоточивое пришепетывание и мечтательно-плутоватый взор. Первое ощущение не обмануло: он оказался одним из трех депутатов Думы, воздержавшихся в 2014 году при голосовании за возвращение Крыма.

«Реалисты» задание провалили: Лебедь убедительно одолел Зубова, несмотря на потраченные Москвой деньги и корыстную поддержку СМИ. Я наблюдал избирательную кампанию вблизи и отчетливо видел: народ на стороне Лебеда. Впрочем, «Реалисты» особо и не напрягались. На встречах с

избирателями на вопрос, кому отдать голос, я отвечал с ухмылкой: «Голосуйте сердцем!» А наш конферансье на главном предвыборном митинге в оперном театре объявил, придумав на ходу, что-де он сидел с Валерой Зубовым за одной партией и вот теперь, столько лет спустя, наконец, нашел любимого одноклассника... Возможно, эта оригинальная идея пришла ему в голову после нескольких дней пьянства, которым мы разнообразили дурацкую поездку. Зубов от такого наглого самозванства чуть не заплакал, но вынужден был прилюдно обниматься с внезапно нашедшимся «однопартником».

3. НЕДОДЕЛАННАЯ ИСТОРИЯ

Однако вернемся в 1996 год. После оглашения результатов первого тура мне позвонил Меньшов:

– Юра, я снимаю фильм о Зюганове. Его покажут накануне голосования 1 июля. Можете в кадре пообщаться с Геннадием Андреевичем и его семьей?

– Могу...

Ко мне режиссер обратился не случайно. С конца 1994 года я стал одним из ведущих образовательного канала «Российские университеты», делившего четвертую кнопку с НТВ. Вообще-то мой роман с телевидением начался гораздо раньше, еще при советской власти, о чем я как-нибудь расскажу. Так вот, в выходные дни «Университеты» превращались в «Семейный канал», и я, придумав рубрику «Семейный обед», приглашал в эфир лидеров оппозиции с чадами и домочадцами: Проханова, Бабурина... Начальство, должен признаться, не препятствовало, вся ответственность возлагалась на ведущего. Забегая вперед, скажу: после победы Ельцина контроль ужесточился, а «Народные университеты» закрыли, отдав всю четвертую кнопку верному НТВ.

Итак, я согласился на предложение Меньшова и вскоре оказался в гостях у Зюганова в доме из беже-

вого кирпича неподалеку от Белорусского вокзала. Теперь такие дома именуют «элитными», а тогда называли — «цековскими». По советским понятиям, жилплощадь у вождя постсоветского пролетариата была роскошная, четырехкомнатная, улучшенной, как говорили, планировки. Символично, что чуть ли не на той же лестничной площадке жил до недавнего времени и Борис Ельцин, позже переехавший в элитный дом на Рублевке, куда переселились и его присные. Квартира Зюганова была обставлена в полном соответствии с дефицитными грезами не избалованного советского потребителя: импортная мебель, хорошая видеотехника и много-много книг, в основном собрания сочинений — корешок к корешку. Никаких излишеств, вроде антиквариата, не припомню.

Под нацеленными камерами мы расселись за большим семейным столом, накрытым к чаепитию. Сам Геннадий Андреевич был в домашней рубашке, и его лицо, обычно зловеще искаженное продажными операторами, светилось милым русским добродушием. Под стать мужу оказалась супруга красного супостата Надежда Васильевна, немолодая, но милая, умная, тактичная женщина. Понравились мне дети вождя Андрей и Татьяна — красивые, сдержанные, воспитанные.

— Не обращайтесь на камеры внимания! Нас тут нет... — твердил, бегая вокруг стола, Меньшов. — Просто беседуйте, общайтесь!

Мы и беседовали — о жизни, о семье, об искусстве и, конечно, о политике, общались свободно, тепло, по-домашнему. Я увидел совершенно другого Зюганова, мудрого, убедительного, спокойного, заботливого и совсем не страшного. От него веяло не жадной реванша и возмездия, а верой в справедливость. Меньшов потирал руки:

— С такой картинкой, ребята, мы перевернем выборы!

Думаю, он был не далек от реальности. К тому времени рейтинг ЕБН упал до нескольких процентов, все надежды возлагались на умельцев, вроде

Глеба Павловского, на доминирование в СМИ, на демонизацию соперника, на манипуляции общественным сознанием. Ельцинские 35 процентов в первом туре выглядели как явное насилие политтехнологий над здравым смыслом. Однако на тех, кто, наконец, оценил утраченные блага социализм, вранье и передергивание фактов уже не действовали: попробуй-ка снова обмануть шахтеров, превратившихся из рабочей элиты в чумазых люмпенов. Всех колеблющихся уже облапошили в первом туре, исчерпав до дна резерв сомневающихся. В этой ситуации показ нашего фильма на Первом канале, который смотрели по всей стране, включая глухие деревушки, аулы и стойбища, мог бы радикально повлиять на итоги голосования во втором туре. Приемы подтасовки голосов тогда еще только разрабатывались, компьютерная техника еще не подошла на помощь мошенникам, а в избирательных комиссиях на местах сидело немало явных и тайных сторонников КПРФ. Мы чуяли пряный запах скорой победы.

— Владимир Валентинович, как думаете, что сделают с Ельциным?

— А что тут думать-то? Вы, Юра, об этом уже написали. Как там у вас это называется?

— СОСОД... Строго охраняемый садово-огородный демгородок...

— Вот-вот!

Кстати, не знаю, как Меньшов (киношники редко работают даром), но мне никакого гонорара никто даже не предлагал, а я, хоть и нуждался тогда в средствах, спросить постеснялся: так нас воспитали партия и комсомол.

Видеохроника последних предвыборных дней запечатлела еле живого Ельцина, он уже не плясал на подиумах с молодежью, а еле ворочал языком, с трудом поднимая опухшие, как у Вяи, веки. Говорят, ЕБН перенес на ногах еще один инфаркт и не случайно сразу после победы лег по нож американского кардиохирурга Дебейки, на сутки отдав ядерный чемоданчик Черномырдину (кстати, именно

тогда мне впервые пришла в голову мысль написать что-нибудь о зловключениях «атомной кнопки», что я и сделал спустя двадцать лет, сочинив апокалиптическую комедию «Чемоданчик»). Зюганов же, наоборот, выглядел энергичным, решительным, и его рейтинг рос стремительно, как молодой бамбук. Наименее замаранные бизнесмены и не запятнанные кровью 93-го силовика потянулись в штаб-квартиру КПРФ, предлагая деньги, помощь, услуги. Появление в эфире нашего ролика про домашнего, обаятельного, доброго Зюганова могло стать знаком коренного перелома в кампании, сигналом к сносу «оккупационного режима». И тут мне позвонил потрясенный Меньшов.

— Юра, Эрнст снял наш фильм из сетки!

— Как? Он не имел права, это незаконно, это черт знает что такое...

— Я сказал Геннадия то же самое. Надо собирать пресс-конференцию с нашими и зарубежными журналистами. Устраивать мировой скандал, выводить народ на улицы!

— А он?

— Согласился и поехал в избирательную комиссию. Юра, выступите, если что, на пресс-конференции?

— Выступлю.

Меньшов вышел на связь через день и мрачно предложил встретиться. Я приехал к нему на Тверскую-Ямскую. Режиссер жил в доме из того же бежевого кирпича, получив жилье от Моссовета после триумфа фильма «Москва слезам не верит». Но в квартире он ни о чем говорить не стал, кивнув на телефон. Мы вышли на солнечную улицу, сели на лавочке возле загса, располагавшегося на первом этаже.

— Геннадия позвали на самый верх, выше не бывает... — тихо сообщил Владимир Валентинович, — и объяснили: фильм не покажут ни при каких условиях. Даже если коммунисты победят, власть им не отдадут, а партию разгромят, начнут с семьи Зюганова, введут чрезвычайное положение. Лебедь

готов взять репрессии на себя. Запад поддержит...

— Не решатся!

— На расстрел Белого дома ведь решились же. Им терять нечего.

— И что ответил Зюганов?

— Он сказал: теперь главное — сохранить партию. Это не последние выборы. К тому же ЕБН очень плох, каждый день под капельницей.

— Значит, трусили?

— Значит, так. М-да, «настоящих буйных мало». Гена оказался из смиренных. А Ельцин буйный, потому и выигрывает.

— Как думаете, Владимир Валентинович, нас-то за этот фильм не потянут?

— Бросьте, Юра, им тогда надо полстраны пересажать, — рассеянно ответил Меньшов, памятливым режиссерским оком озирая молодоженов, выходивших из загса в окружении родни, подружек и шаферов.

Невеста была на диво хороша, и жених смотрел на нее страстно, он явно думал не о скорых выборах, а о первой брачной ночи. Через несколько лет я вспомнил эту веселую толпу у загса, глядя сцену свадьбы Алентовой и Гаркалина в комедии «Ширли-мырли». Жаль, мастер убрал в последнем варианте эпизод, когда Кроликов, спасаясь от преследования, забегает в душевую, где тесно моются голые баскетболистки. Впечатляло...

Сторонники горячо подбивали проигравшего Зюганова подать в суд, призвать сторонников к гражданскому неповиновению, обратиться к мировому сообществу, но он предпочел сохранить партию и ее парламентский статус. Если бы Ленин в 1918 году повел бы себя так же, то Деникин в 1919-м въехал бы в Москву под звон колоколов, развесил бы вожakov на фонарях и перепорол бы в назидание пол-России.

Я вот иногда думаю: а если бы Геннадий Андреевич оказался в хорошем смысле буйным политиком и победил, что стало бы со страной? Гражданская война? Вряд ли... Либеральные закоперщики

и нувориши смыслись бы из страны еще до инаугурации: авиабилеты – в карманах. Кто бы вышел против коммунистов? Кооператоры, как в 91-м? Их в ту пору уже ликвидировали как класс, наводнив страну импортными жратвой, шмотками, ширпотребом. «Челноков» с баулами на баррикадах я себе тоже как-то слабо представляю. В армии и силовых структурах еще было полным-полно советских кадров, весьма скудно оплачиваемых, и они никогда бы не развязали террор. Себе дороже. Да и мстительный генерал Лебедь, обиженный Ельциным, думаю, сразу предложил бы свои услуги Зюганову, чтобы навести порядок. Даже те, кто вкусил от благ капитализма, думаю, не поднялись бы, ведь коммунисты не собирались упразднить рынок. Речь шла лишь о ликвидации обнаглевших олигархов, откровенно бесивших народ, об удалении из власти проамериканской пятой колонны, о пересмотре итогов воровской ваучерной приватизации, о возрождении разгромленной армии, о восстановлении единого экономико-политического пространства СССР.

А можно ли было восстановить СССР, разваленный пять лет назад? Не знаю... Прибалтика была потеряна, там, думаю, удалось бы лишь добиться для русских равных прав с титульными нациями, но и это немало: получив доступ к выборам, русские общины навсегда бы обеспечили лояльность. Что же касается других советских республик, там едва-едва началось в ту пору строительство этнократических государств. Речь идет об Украине, Белоруссии, Казахстане, Молдавии, Киргизии, Узбекистане, Азербайджане, где сильны были пророссийские силы, а экономические связи с Москвой не разорваны. Эти республики, члены СНГ, вполне могли согласиться на обновленный Союз, сохранив широкую автономию. В стране под контролем КПРФ начал бы развиваться госкапитализм по китайскому сценарию. Почему бы и нет? Ведь Путин сделал позже то же самое, укротив, но не уничтожив олигархов. Однако тогда, в 1996 году, все случилось так, как

случилось: Россия, истощенная семибанкирщиной, хаосмейкерами, вроде Гайдара, тотальным воровством Семьи, двинулась к дефолту, Второй чеченской войне, потере суверенитета, полураспаду... В итоге убогий Ельцин сам отказался от власти, добытой с таким трудом. А если бы на первом канале перед выборами все-таки показали наш фильм? Мы могли бы стать теми, кто делает Историю. Но, увы, мы ее не доделали... Эх, да что там говорить: настоящих буйных мало!

4. ГАВРОШИ ПЕРВИЧНОГО НАКОПЛЕНИЯ

Разочарованный и опустошенный, я слез с политических баррикад и вернулся за письменный стол: читатели ждали от меня новых книг. Нет, это не самодовольная фигура речи, а правда: мой роман-эпиграмма «Козленок в молоке», вышедший отдельным изданием сначала в издательстве «Ковчег», потом в «ОЛМА-пресс», бил рекорды продаж. Он стал «лонгселлером» к завистливому недоумению постмодернистов, на все потуги которых публика отвечала фригидным равнодушием. Оно и понятно: по сути, постмодернизм – это что-то, вроде литературного фаллоимитатора. Сколько бы режимов и вибраций в него не заложили изобретатели, он все равно останется мертвой «жужжалкой». А в искусстве, как и в любви, хочется всегда чего-то живого и настоящего.

Но чтобы засесть за новую вещь, необходим сюжет, а его-то у меня и не было. О том, каким образом в писательском сознании завязываются и зреют фабулы, подробно рассказано в моем эссе «Как я ваял «Гипсового трубача». А между тем, закрепление у власти Семьи, словно открыло некие тайные шлюзы, мир вокруг менялся стремительно, появлялись небывалые прежде социально-психологические типы, возникали головокружительные коллизии. Безудержное и незаконное стяжательство, открытый грабеж народа, присвоение государственной

собственности, откровенное политическое мошенничество, – все это стало питательным «бульоном», в котором размножились уродливые, но по-своему яркие персонажи, буквально просившиеся на острие сатирического пера. Мне нужна была лишь емкая история, вроде приезда в город ревизора.

Так вышло, что сюжетом для новой вещи меня, как Пушкин Гоголя, снабдил 30-летний бизнесмен, владелец фирмы «Авиатика» Игорь Пьянков, типичный представитель поколения «гаврошей русского капитализма». С ним меня свел бывший директор Литфонда РСФСР Валерий Долгов, он в свое время стал инициатором коммерческого выпуска моих книг в обход государственных издательств: в стране зашевелилось предпринимательство. Так, повесть «Апофегей» под маркой «ЛФ РСФСР» была выпущена в 1990 году полумиллионным тиражом – и, заметьте, сразу разошлась. В прежние годы Долгов работал снабженцем на ВАЗе, а это был особый, редкий при советской власти сорт людей, в народе таких звали «доставалами». Это про них когда-то писал Александр Межиров:

*Набравшись вдоволь светскости и силы,
Допив до дна крепленое вино,
Артельщики, завмаги, воротилы
Вернулись на Столешников давно...*

Такие, как Долгов, чувствовали себя в мутных и теплых водах российского капитализма, точно пираньи в родном водоеме. Он обладал фантастической энергией, оборотистостью и железной деловой хваткой. Помню, раздается звонок:

– Юр, как ты относишься к корейским холодильникам?
– А что?
– Оторвал по случаю. Оптом дешево отдавали. Возьмешь в счет гонорара?
– Возьму, пожалуй, – ответил я, глянув на свою облупившуюся и мелко дрожашую «Бирюсу».
– Договорились. Даже-даже!

Через час в мою квартиру грузчики уже втаскивали белоснежный агрегат невероятных размеров –

с таймером, встроенным миксером и морозилкой, вмещающей пару кабанчиков.

С Игорем у Долгова тогда, в середине 1990-х, был общий бизнес, закончившийся ссорой и серьезным конфликтом, вплоть до стрельбы. Кто виноват, не мне судить, но друг друга они стоили. Валера меня однажды сильно подвел, навсегда отбив охоту к предпринимательству, о чем я написал рассказ «Про чукчу». Капитализм решительно разделил всех советских людей на плотоядных и жвачных. Я оказался из жвачных... Жизнь давно развела меня с Долговым, но я успел позаимствовать у него странное присловье – «даже-даже», отдав его проходимцу Кошелькову, персонажу моей комедии «Хомо эректус». Выходя с премьеры, куда я его, конечно, пригласил, Валерий поживался, а когда я спросил его: «Ну как тебе?», он ответил после долгого молчания: «Даже-даже...»

Игорь Пьянков, одаренный от природы острым умом и бешеной энергией, тоже был из плотоядных. Его фирма занимала этаж в доме на Ленинградском шоссе, напротив метро «Динамо». Автомобилисты еще помнят, наверное, большую вертикальную надпись «Авиатика» – на торце этого длинного белого здания. Не знаю, чем конкретно занималась фирма, но средства черпались в основном из столичного бюджета. Деньги Игорь вытягивал у власти мастерски. Однажды попросил меня с обаятельной картавинкой:

– Юра, я послезавтра иду на 60-летие Лужкова. У него на подписи лежит мой проект, без которого «Авиатика» прогорит. Помогите!

– Я? Как?

– Понимаешь, твой тезка Юрий Михайлович сам графоманит на досуге и обожает поздравления в стихах.

– И что?

– Выручай, напиши ему юбилейную оду!

– Даже не знаю...

– Юра, я – твой должник навек! Но учти, все будут поздравлять в стихах, наши должны быть лучше всех.

— Ладно, попробую, хотя ты как-то не по адресу...

Я лукавил, мои версификаторские навыки безжалостно эксплуатировались в школе, в институте, в армии, в комсомоле... Сколько стихов на случай я слепил — не сосчитать. Даже теща моя Любовь Федоровна как-то попросила сочинить поздравление к свадьбе сына своей высокопоставленной сослуживицы. Та, получив текст, удивилась:

— На редкость профессионально!

— Мой зять — член Союза писателей! — гордо ответила теща.

К условленному сроку я отдал Игорю рифмованный панегирик в полсотни строк. Память сохранила только последнюю строфу, в которой очевиден намек на президентские амбиции Лужкова, стоившие ему, в конечном счете, мэрского кресла:

Вы созидаете на зло

Завистникам, успехи множа.

Москве с Лужковым повезло,

А значит, и России тоже!

После юбилея Пьянков позвонил в приподнятом настроении:

— Мы были лучше всех. Лужок меня обнял и обещал все подписать!

Игорь вырос в семье уральских инженеров-оборонщиков, был начитан, пассионарен и суров, даже жесток с людьми, что никак не вязалось с его внешностью. Хозяин «Авиатики» напоминал златокудрого розовощекого ангелочка с голубыми глазами в круглых близоруких очках. Лишь жесткая редкозубая улыбка выдавала его настоящий характер. Как и большинство тогдашних нуворишей, он был повернут на сексе, без усталости используя все его разновидности: брачную, служебную, продажную, о чем любил рассказать за бутылкой, а пил он так, что наш общий доктор Саша Грицаюк периодически клал его под капельницу: печень не выдерживала жестоких перегрузок. Впрочем, в подобном режиме существовало тогда большинство «новых русских», ибо эпоха первичного накопления отличалась не только шальными деньгами и внезапными обогащениями, но и мгно-

венными изменениями участи: бизнес могли отжать, отобрать, а то и просто грохнуть упрямого владельца на пороге офиса или новой квартиры.

Сексуальный разгул был для внезапно разбогатевших мужчин своего рода атрибутом состоятельности, как бриллиантовые запонки или золотой «Ролекс». Первый признак больших денег — это возможность ни в чем себе не отказывать, есть и пить от пуза, а также по малейшему позыву переводить понравившуюся женщину из вертикального положения в горизонтальное. Впрочем, кое-кто из нуворишей раньше прочих озаботился здоровым образом жизни. Интересный разговор случился у меня с Владом Листьевым незадолго до его гибели. Он увлеченно рассказывал, как ему удалось, наконец, избавиться от запоев благодаря безалкогольному пиву.

— Но это же прямой путь к резиновой женщине! — возразил я, намекая на популярный в те годы анекдот.

— Не скажи! Понимаешь, когда у тебя много денег, приходится беречься, чтобы хватило сил на все желания, которые теперь можешь удовлетворить.

Через неделю Листьева нашли в подьезде с простреленной головой. Убийц и заказчика ищут до сих пор.

Пьянков тоже несколько раз оказывался на грани отстрела, скрывался некоторое время на тайных квартирах, и это не удивительно: с конкурентами он вел себя непримиримо, да и с партнерами не церемонился, если считал необходимым. Одно время его интересы в окружении мэра лоббировал летчик-испытатель Герой Советского Союза Валерий Меницкий. В свои пятьдесят лет знаменитый пилот, стройный, как атлет, еженедельно играл в футбол в команде Лужкова: градоначальник любил погонять подчиненных по зеленой травке с мячом, и многие важные вопросы решались в раздевалке, до или после матча, который неизменно выигрывал Юрий Михайлович. Именно на такое «мячегонное ристалище» как-то затащил меня Пьянков, а я описал это занятное времяпрепровождение чиновников в моем романе «Гипсовый трубач». Там почти все правда, даже коллективное избиение

на футбольном поле провинившегося столоначальника. Интересующиеся могут прочесть.

Но и с Меницким Игорь умудрился крупно поссориться, правда, до этого уговорил меня организовать литзапись воспоминаний выдающегося летчика, по слухам, внебрачного сына Чкалова, на которого Валерий был в самом деле очень похож. Мои друзья-журналисты Игорь Ядыкин и Елена Жернова долго расшифровывали и переносили на бумагу то, что Герой Советского Союза наговаривал на диктофон, а я потом прошелся рукой мастера, и получилась очень любопытная книжка «Моя небесная жизнь», по ней позже был снят 4-серийный фильм. Игорь, кажется, продюсировал эту ленту и так увлекся кино, что даже снял офис на Мосфильме, где проводил кастинги для вымышленных проектов. Цель — поближе познакомиться с молодыми доверчивыми актрисами, готовыми ради роли почти на все. Иногда получалось. Некоторые его мимолетные пассии теперь знамениты...

При всем этом Пьянков был человеком думающим, иногда он выступал в прессе со статьями, некоторые публикации ему по дружбе устраивал я. Вот образчик нашего диалога «Долго ли будем делиться на своих и врагов?», опубликованного в газете «Труд» (1996, 12 июля):

«Игорь Пьянков: ...Предпринимательская прослойка есть в любой стране. И она не столь уж широка. Да, это богатые люди. Но эти люди — локомотив экономики... Зюганов же отрицает особую роль предпринимательства... как в свое время Сталин, предполагает, что роль локомотива экономики выполнит государственная бюрократия. Тот еще локомотив! В степени уважения к личной свободе человека заключается главная разница между реформами Зюганова и Ельцина... И коммунисты-гаранты нам совершенно не нужны...

Юрий Поляков: ...Не знаю, стала бы бюрократия локомотивом в случае победы Зюганова, но сегодня бюрократия — просто взяткосборочный комбайн. И давай оставим красно-белое мышление тем, кто за это получает деньги — бойцам предвыборных команд.

Никто никого не зовет в прошлое. Речь идет о разных путях в будущее. В начале века все «цивилизованное человечество» верило в социализм, и большевики хотели его построить любой ценой. Сегодня все «цивилизованное человечество» верит в капитализм. И неольшевики строят его в России, не щадя ни старани млад...»

Однажды Игорь по секрету показал мне литературный набросок, то, что тогда называлось «пробой пера», — рассказ-воспоминание «Стерва» о своем бурном романе с роковой секретаршей Катериной. Это, конечно, была еще не проза, но в тексте имелись удивительно точные приметы, типажи и детали эпохи дикого капитализма. Я даже позавидовал и признался, что, обладая таким знанием механизмов первичного накопления, засел бы за новую вещь, вроде горьковского «Фомы Гордеева».

— Нравится?

— Нравится.

— Забирай! — махнул рукой Пьянков. — Я все равно ничего не напишу, а тебе пригодится.

— Может, в соавторстве? — засомневался я.

— Какое соавторство? Меня в любое время могут грохнуть...

— Ну, спасибо.

Забегая вперед, скажу, что Пьянкова не отстрелили, хотя и пытались, но серьезный бизнес он все-таки потерял, отчасти из-за опалы Лужкова, отчасти из-за русской пагубы, печально соответствующей его фамилии.

5. ВЫБЕРИ МЕНЯ, ПТИЦА СЧАСТЬЯ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ!

Отойдя от большой политики и обретя сюжет, я, наконец, сел за работу, затворившись на «Зеленке» — так мы называли нашу дачу на станции «Зеленоградская» близ Софрина. Ее мы купили в 1987-м за 45 тысяч рублей — невероятную по тем временам

для обычного советского человека сумму. На «фазенду», о которой мы с женой давно мечтали, ушли мои гонорары за две книги и три сценария, но все равно не хватило, и недостающие деньги добавила теща: от покойного тестя-летчика остались сбережения. Впрочем, финансовая реальность менялась прямо на глазах. Так, в мае 1988-го Сергей Снежкин «для поддержания штанов» выдал нам копию еще не допущенного в прокат фильма «ЧП районного масштаба». С консультантом ленты Валерой Павловым, в прошлом комсомольским работником, и актером Виталием Усановым, исполнившим роль заворга Чеснокова, мы поехали «бомбить» Астрахань. Фильм крутили в центральном кинотеатре целую неделю по шесть раз в день, но зал всякий раз был набит до отказа, а к кассе стояла гигантская очередь. Мы выступали перед каждым сеансом, да еще в конце отвечали на записки зрителей, кипевших от гнева, причем одни негодовали на «прогнанный комсомол», другие — на нас, съемочную группу, оболгавшую «верного помощника партии». Впрочем, вопросы, даже очень сердитые, не сильно отличались друг от друга, и наши ответы соответственно тоже разнообразием не страдали. От нервного перенапряжения и постоянного повторения одних и тех же слов в последний день с нами на сцене случилась самая настоящая истерика. Из-за нелепой оговорки Усанова на нас напал неудержимый смех, и минут десять мы, не в силах остановиться, до слез хохотали перед притихшим залом. Наконец, Павлов взял себя в руки (сказалась многолетняя аппаратная выучка) и, посерьезнев, объяснил зрителям, что мы-де не смогли сдержать улыбку, так как вспомнили один забавный эпизод, случившийся во время съемок, но расскажем о нем после просмотра фильма. Впрочем, когда зажегся свет, все уже позабыли нашу истерику, потрясенные увиденным и озабоченные судьбами социалистического Отечества. Зато я вернулся в Москву с двенадцатью тысячами в полиэтиленовом пакете. Полгода назад, покупая дачу, о таких заработках я даже не мечтал.

Когда же в конце 1990-го мы по-семейному вчетвером обмывали в кооперативном ресторане мой контракт с французским издательством «Ашет» на выпуск «Парижской любви Кости Гуманкова», данный счет превысил тысячу рублей — в недавнем прошлом годовую зарплату молодого специалиста. Страна катилась к гиперинфляции.

Итак, я затворился на даче и сел за работу. Мое окно выходило на речку Скалбу, точнее, на урему — так у Аксакова называется мелколесье, растущее вдоль берегов и почти скрывающее русло от взглядов. Впрочем, было бы что скрывать: Скалбу, сужившуюся в иных местах до ручейка, можно было легко перепрыгнуть. Когда я взялся за повесть, урема едва оделась листвой и, казалось, ветки оведало нежно-зеленое пламя. Кое-что из наброска Пьянкова я оставил в неприкосновенности, например, имя главной героини, а также авиационную тему и «терки с бандитами». Летчик-испытатель Меницкий превратился в отважного космонавта Гену Аристову, панически боящегося своей ревнивой жены. Долго мне не давалась фамилия главного героя — Зайчугана. В конце концов он стал Павлом Шармановым, так звали моего дружка, жившего возле нашего маргаринового общежития в Балакиревском переулке. Помощник президента получил прозвище «Оргиевич», которое я без спросу позаимствовал у критика Владимира Георгиевича Куницына, он впервые, кстати, применил к моей прозе бахтинский термин «гротескный реализм». Отдельные главы со знанием дела я посвятил тому, как под эгидой комсомола в центрах научно-технического творчества молодежи рождались первые кооперативы, где нагуливали жирок будущие нувориши и олигархи... Кстати, импровизированный бордель, устроенный в самолетах, экспонировавшихся под открытым небом на Ходынке, — это не выдумка, а реальная история.

Урема перед моим окном начала желтеть, а повесть уже вырисовывалась, как свежий пятистенок, подведенный под крышу, когда вдруг позвони-

ла Нина Владимировна Жукова и срочно вызвала меня в штаб-квартиру «Реалистов», располагавшуюся близ Курского вокзала. С тяжелым сердцем я поехал в Москву и не ошибся в предчувствиях: по настоятельному совету Администрации президента «Реалисты» ввязались в выборы в Московскую городскую думу. Она была создана вскоре после переворота 1993 года вместо упраздненного Моссовета, выступившего против «узурпатора» Ельцина на стороне расстрелянного Верховного Совета, замененного тогда же Госдумой. Кстати, именно с тех пор законодательная власть у нас в стране стала своего рода ручной белкой, грызущей для Кремля конституционные орешки. Задачу перед сторонниками «нового социализма», полагаю, администрация поставила ту же самую – оттянуть электорат от коммунистов, которые уже оправились от поражения и включились в борьбу за власть на местах. Мне предложили баллотироваться по 196-му округу, объединившему несколько районов столицы, включая Хорошевский, где мы тогда жили.

Жаль было прерывать работу над повестью. Кто сочинял, тот знает, какая это мука оставить страничку, запроваленную в каретку машинки, когда сюжет, словно поезд-экспресс летит к станции с заветным именем «Конец». Впрочем, к тому времени я уже работал на компьютере. Для повести я не случайно выбрал рамочную композицию в духе «дорожной исповеди», столь любимой нашими классиками. Напомню, Павел Шарманов рассказывает свою странную историю автору-попутчику в «Красной стреле», мчащейся в город на Неве. Когда снималось «ЧП районного масштаба», я и сам часто ездил в Питер и обратно, причем всегда в одном и том же СВ-купе, закрепленном, видимо, за Ленфильмом. Однажды моим попутчиком оказался Алексей Герман, режиссер очень большого, но обиженного таланта. Мы проговорили под рюмочку всю ночь, и под утро мне стало казаться, что этот окаянный мир сотворен Господом таким подлым и несовершенным лишь для того, чтобы напакостить

лично Алексею Юрьевичу. И должен заметить, Творцу это удалось.

Как ни жаль было покидать письменный стол с видом на облетающую урему, но, поколебавшись, я согласился на предложение Жуковой. Во-первых, любой новый жизненный опыт важен для писателя. Во-вторых, очень уж хотелось потеснить наглых либералов, засевших тогда во всех щелях и пазах власти, а на ТВ устроивших таки визгливый привоз общечеловеческих ценностей. В-третьих, мой поход за мандатом, как прозрачно намекнула Жукова, оказался напрямую связан с дальнейшей судьбой альманаха «Реалист». В этом мире даром только солнышко над головой и травка под ногами...

«Новые социалисты» по разным округам двинули несколько кандидатов, поэтому был сформирован центральный штаб, возглавленный отставным армейским политработником с тугим командным лицом. Назову-ка я его «Иваном Ивановичем». Кроме того, всем кандидатам полагались свои собственные избирательные штабы с политтехнологами, а их в Отечестве вдруг развелось столько, как будто Россия развлекалась свободными выборами не пять-семь лет, а, по меньшей мере, годков четыреста пятьдесят с эпохи Грозного. Ко мне приставили, как выразился Иван Иванович, «суперпрофессионалов»: иногороднюю, лет сорока, крашеную блондинку, упорно называвшую избирательные бюллетени - «белютнями». При ней суетился чернявый тощий парень, все время куда-то убегавший, вероятно, нюхнуть для бодрости «кокса». Кажется, они были сожителями. Назову-ка я их Инной и Борей. Мне они сразу не понравились, но Иван Иванович, от которого, как «Шипром», за версту разило Главпуром, доложил: парочка недавно выиграла очень сложные выборы в регионе, поэтому стоило большого труда и денег – заполучить их для меня.

– А где деньги? – спросил я, сглотнув слюну.

– Не волнуйтесь, Юрий Михайлович, уже переданы Инне Петровне.

– Сколько?

— Пятьдесят единичек, - сообщил он, понизив голос: тысячу долларов из какой-то аппаратной деликатности называли «единичками».

— Ого!

— Да, вот еще — возьмите! — и он протянул мне коробку.

— Что это?

— «Нокия». Без мобильного телефона кандидату никак нельзя. Говорите, сколько хотите, оплачено за три месяца вперед.

Мобильного, его называли также «трубой», у меня еще не было: дорогое по тем временам удовольствие, доступное лишь богачам и тем, кому расходы оплачивает государство или корпорация. Из машины я тут же позвонил жене.

— Ты где? — спросила она, как всегда подозревая меня в брачном отщепенстве.

— В машине еду.

— Не ври! Как же ты мне тогда звонишь?

— С мобильного! — гордо ответил я.

Как положено, наняли водителя с машиной и сняли под штаб подвальчик на улице Зорге. По стенам висели какие-то графики, схемы и большая карта 196-го избирательного округа. Отдельно красовались снимки конкурентов, их набралось около дюжины, но главных соперников было двое: первый секретарь Московского горкома КПРФ Микитин, сумрачный персонаж с брежневскими дремучими бровями, и «яблочница» Гаванская — немолодая, темноглазая особа с аккуратной седой прядью в черной укладке. Она уже отработала в первом составе Гордумы, попав туда от гайдаровского блока, но теперь шла от Явлинского. Забегая вперед, скажу: эта статс-дама до сих пор депутатствует, время от времени меняя партийную окраску в зависимости от политических раскладов.

К началу гонки, официально стартовавшей в середине ноября, сразу после моего дня рождения, мы должны были подготовить мою программу, группу доверенных лиц и наглядную агитации — листовки, буклеты, газету... Акцент решили сделать на том, что

писатель в России — больше, чем писатель, он всегда был народным заступником и оппонентом власти. В победе я, честно говоря, не сомневался. Напомню: в ту пору еще не отгремела слава моих «перестроечных» повестей и сатирического «Демгородка», большим спросом пользовался «Козленок в молоке». Еще со времен «Взгляда» я нередко появлялся в эфире, а с осени 1996 года вел на московском канале передачу «Подумаем вместе», где как раз и беседовал с действующими депутатами Гордумы. По предварительным рейтингам и опросам я лидировал, следом с небольшим отрывом шла Гаванская, обольщавшая публику обещаниями навести порядок в ЖКХ. Микитин замыкал первую тройку, но с явным отставанием. Однако имелся повод для тревоги. На предварительном сборе кандидатов в мэрии я встретил председателя Гордумы Владимира Платонова, шедшего на новый срок. Увидев меня, он обрадовался:

— Тоже баллотируетесь?

— Да, от «Реалистов».

— Отлично! Значит, будем работать вместе. Нам очень нужен толковый председатель комиссии по культуре! По какому округу идете?

— По 196-му.

— Пойдите, это там, где Гаванская? — помрачнел он.

— Да. А что?

— Бесполезно. Меняйте округ, пока не поздно!

— Почему? Я там живу...

— Ну, как вам сказать, она дама непростая, у нее очень серьезная поддержка, — Платонов сделал такое движение, словно надвигает кепку, намекая на мэра Лужкова.

Озадаченный, я пошел выясняться к Петрову, он удивился, нахмурился и обещал переговорить наверху, а мне для поднятия духа, отлучившись к сейфу, выдал в конверте пять «единичек», которые я тут же передал Инне, постоянно нывшей, что денег нет.

— А где же пятьдесят «единичек»?

— Ах, Юрий Михайлович, вы не представляете себе, как все дорого!

Округ поменять мне, конечно, не разрешили, но обещали всяческую поддержку и успокоили: Явлинский многих раздражает своим занудством и стонами по поводу «500 дней», поэтому у «яблочницы» шансы невелики. Поддержку я почувствовал сразу: «Реалисты» молнией издали мою книжку публицистики «От империи лжи — к республике вранья», и она в качестве агитационной брошюры разлетелась, как горячие пирожки. Далее, меня позвали на групповое фотографирование кандидатов с Лужковым. Снимок затем был опубликован в тиражной столичной газете и стал как бы указанием районным органам власти, кого именно поддерживать в выборной кампании. Каждый округ на этой фотосессии был представлен одним соискателем, и только от 196-го допустили двоих. Увидев меня, Гаванская, обычно карамельно-приветливая, исказилась лицом, достала мобильник и стала кому-то жаловаться в трубку. Затем мне позвонили и позвали на беседу с главой Северо-Западного округа. Штаб ликовал: от местной администрации зависело многое, без ее благоволения проводить встречи с избирателями было затруднительно: то нет свободного помещения, то электричества, а то вдруг пожарная инспекция заартачилась... Встречу назначили на 9.00. Я прибыл вовремя и постарался очаровать окружного вождя, который знал нашего Петрова и с симпатией относился к «Реалистам», а когда я сообщил, что отчество моего папы тоже «Тимофеевич», он, кажется, проникся ко мне отеческими чувствами и обещал безоговорочную поддержку. Руководители штаба появились, когда беседа заканчивалась. У них был вид проспавших любовников.

Зато они вызвали из Америки крупного специалиста по предвыборным программам — недоучившегося одессита Сеню, Бориного дружка, и тот объявил: нашим агитационным гвоздем должна, без всякого сомнения, стать логистика — словечко

в ту пору новое и загадочное. Что это такое, Сеня устно объяснить не сумел. Я попросил изложить письменно. Через неделю (каждый день его пребывания в столице щедро оплачивался из моего избирательного фонда) он принес две странички какого-то бреда про революцию в деле регулирования дорожного движения с помощью умных светофоров. Я послал его в Америку через Одессу, и отправился к Ивану Ивановичу с требованием выгнать самозваных политтехнологов к чертовой матери, чтобы взять новых, нормальных. В ответ он лишь скорбно надломил брови: контракт, подписанный с парочкой, исключал досрочное расторжение, точней, предполагал выплату чудовищной неустойки. Что-что, а в искусстве подsunуть работодателям жульнический договор они, в самом деле, оказались профи.

Выручил реалист Григорий Чернейко, он порекомендовал толкового доцента, бывшего преподавателя научного коммунизма, и тот за умеренную плату быстро слепил мне программу, которую отпечатали в таком количестве, что по окончании кампании в нашем штабе остались штабеля непечатых пачек, а ведь мы щедро раздавали буклеты на каждой встрече, загружали ими доверенных лиц, подсовывали в подъезды... Эх, жаль к тому времени за сдачу макулатуры никого уже не одаривали книжными дефицитами.

6. МЕЖДУ КПРФ И «ЯБЛОКОМ»

14 ноября началась собственно гонка. Вот передо мной пожелтевшая газета «Сезам» (Северо-Запад Москвы). С фотографии бодро смотрит молодой энергичный кандидат. Приложив к уху телефонную трубку с антенной, он (то есть, я) отвечает на строгие вопросы избирателей.

Владимирцева Наталья, врач, ул. Черняховского, д. 14

— Юрий Михайлович, мы с вами ровесники, и

поэтому я, конечно, хорошо знаю ваши книги, в 80-х годах, когда ваши повести появились в «Юности», мы бурно их обсуждали. Нужно ли вам, писателю, идти в Думу?

— Нужно. Писатель у нас в России и без мандата всегда ощущал себя в некотором роде депутатом. Мне уже много лет пишут, звонят, просят помочь в самых разных ситуациях... Помогаю по мере сил. Но в последнее время на «писательский запрос» власть реагирует все реже и реже. Если стану депутатом, реагировать будут...

Зырянов Владимир Михайлович, военнослужащий (Хорошевское шоссе, д. 52)

— Из армии я уволился по выслуге лет — служил на Севере. Сейчас оформляю общегражданский паспорт, а это несколько месяцев... Пока у меня его не будет, пенсию я не получу. Выходит, Отечество можно защищать и с удостоверением личности, а пенсию получать только по предъявлении паспорта?

— По-моему, тут явная недоработка в законодательстве. Вроде бы теперь в парламенте одни юристы заседают, а неразберихи стало еще больше. Проконсультируюсь по вашему вопросу со специалистами и помогу конкретно.

Открою тайну: оба вопрошающих избирателя — мои добрые знакомые. С Натальей Владимировной мы дружили со студенчества до самой ее трагической гибели. А капитан первого ранга Зырянов был моим соседом по лестничной площадке. Недавно его сын Костя, ставший банкиром, заезжал ко мне в Переделкино, чтобы рассказать о своей бурной личной жизни. Так что, никаких «мертвых душ» в нашем избирательном процессе не водилось, все по-честному. Таких «прямых линий», статей и интервью я опубликовал за месяц не менее двух десятков, причем, не только в местной, но и в центральной прессе, чем мои соперники похвастать не могли. В дебатах на местном телевидении я тоже одерживал верх, имея немалый эфирный опыт. Кроме того, я ежедневно по несколько раз встре-

чался с избирателями в вузах, на предприятиях, в НИИ, воинских частях, больницах, управах, библиотеках, «красных уголках»... По самым скромным подсчетам, я провел больше сотни встреч и домой приползал похожим на лимон, выжатый кузнечным прессом. Люди принимали меня хорошо, узнавали, слушали, расспрашивали о творческих планах, верили моим обещаниями. Исключение составляли коллективы, где руководство явно симпатизировало «Яблоку» Явлинского, а значит, и Гаванской. В одной больнице меня ожидал довольно холодный прием и ехидный вопрос главного врача, почему я состою в реакционном Союзе писателей России, а не в прогрессивном «Апреле»? Я, как мог, ответил... Потом ко мне потихоньку подошла докторша — я узнал в ней молодую жену моего приятеля-уролога:

— Юр, привет! А Лев Соломонович сказал, у нас сегодня черносотенец в гостях будет. Разве ты черносотенец?

— Вроде бы нет...

Кстати, черносотенцы (члены Союза русского народа) в начале XX века представляли собой самое массовое политическое движение. Они активно боролись с надвигавшейся на Российскую империю смутой, но проиграли, преданные царем, и были почти поголовно истреблены большевиками после революции, так как в отличие от эсеров, меньшевиков, кадетов, октябристов и прочих в эмиграцию не уехали, не мысля себя без России. Лидер «черносотенцев» детский доктор Дубровин был без суда расстрелян в 1919 году в Петрограде. Впрочем, знаменитого исторического живописца Виктора Васнецова, тоже состоявшего в Союзе русского народа, не тронули. Сыновей Дубровина тоже, кстати, не покарали. И на том спасибо! Но вот что интересно: наши либералы, считая Октябрьский переворот преступлением и добиваясь «нюнленбургского процесса» над Советской властью, продолжают, тем не менее, ненавидеть «черносотенцев» — главных борцов с «великими потрясениями», хотя логичнее ставить памятники этим мученикам, ведь именно

они, а не «враги народа» образца 1937 года, стали первыми жертвами «красного колеса».

Но вернемся в осень 1997 года. Осознав зловредную бесполезность политтехнологов, я полностью взял руководство штабом в свои руки. «Сладкая парочка» все время опаздывала на встречи, путала время эфиров, отправляла меня по несуществующим адресам. Приходилось проверять и перепроверять.

— Вы, наверное, тоже занимались выборными технологиями? — с удивлением как-то спросила Инна.

— Нет, я год поработал в райкоме комсомола. А вот вы там явно не работали!

Но если у меня к начальникам штаба было много претензий, то у них ко мне только одна: «Нет денег!»

— Вам же выдали?

— А вы знаете, сколько стоит разнос печатной продукции от двери к двери?

Я снова бежал за деньгами к Ивану Ивановичу, Петрову, Жуковой, даже однажды отправился к начальнику столичного департамента, курировавшего выборы. Я знал его еще по горкому комсомола. Он меня выслушал, вздохнул, отлучился к сейфу и тоже выдал, не помню уж сколько именно, «единичек». Мне иногда казалось, вся страна, как медовыми ульями, усеяна сейфами с валютой, питавшей молодую российскую демократию и не фиксирувавшейся никакими финансовыми документами. Штабисты, повеселев, принимали добытые мной доллары (в рублях я не получил ни копейки), но уже наутро заводили старую песню: «Денег нет!»

Очередного «одессита», которого они призвали, чтобы выпустить мою избирательную газету «За справедливость!», я выгнал взашей: парень не отличал петит от нонпарели, а колонки называл «столбиками». Но солидный аванс, включавший, подозреваю, и «откат», ему успели выплатить. Обошлись мы собственными силами, все-таки я шесть лет руководил многотиражкой «Московский литератор».

Газета вышла содержательная. Кроме множества достойных людей, горячо рекомендовавших меня электорату, там имелся снимок, где я обнимался с Михаилом Евдокимовым, безумно популярным в те годы. Увы, замечательному артисту хождение во власть в отличие от меня стоило жизни.

Чтобы разнести сто тысяч экземпляров газеты по всем квартирам округа были выделены дополнительные «единички» и наняты, как заверила Инна, три бригады «несунов». Но я не верил лжетехнологам, требуя доказательств. Они возмутились и повели меня в соседний дом: там из каждого почтового ящика торчала моя агитгазета. Для полноты картины я направился к соседней панельной башне, Инна и Боря переглянулись, но, взявшись за ручку двери, я вдруг заметил: среди физиономий кандидатов, расклеенных где только можно, нет ни одного моего портрета с броской красной подписью «Работать без ошибок!»

— В чем дело?

— Конкуренты срывают.

— А почему только мои плакаты?

— Вы же лидер опросов! — лстиво объяснили они.

— Доклеить немедленно!

— Денег нет...

— Ждите меня в штабе! — строго приказал я и, не заходя в «панельку», ринулся к Ивану Ивановичу за «единичкой».

Потом выяснилось, проинспектированный подъезд оказался единственным, куда доставили мою газету «За справедливость!», а весь огромный тираж спрятали в бомбоубежище, их было еще немало в Москве, хотя нападать на капитулировавшую Россию Америке уже не имело никакого смысла.

Рейтинги подтверждали мое лидерство, но Гаванская буквально наступала мне на пятки. Страна уже устала от безответственных деятелей культуры, дремавших в депутатских креслах, и любой неведомый кандидат, толково рассуждавший о расселении коммуналок, мог заткнуть за пояс любую экранную

знаменитость. Тогда я для верности решил пойти на политический сговор и, пользуясь личным знакомством, встретился с Зюгановым, чтобы объяснить: кандидат от КПРФ Микитин идет третьим, сильно отставая, шансов у него никаких. Но если он снимет свою кандидатуру в мою пользу, то «яблочнице» не поможет никакой вброс «беллютней». В результате, в Гордуме появится не очередная гормональная либералка, а человек с государственно-патриотическими взглядами, близкими коммунистам. Это же очевидно! Зюганов в ответ тяжело улыбнулся:

— В жизни одна логика, а в партии другая... К тому же, Юрий, ты хороший писатель. Зачем тебе политика? Пиши книжки! Микитин пойдет до конца.

— Но ведь он же проиграет.

— Не важно.

— Цель ничто, движение все!

— Молодец, испарт знаешь!

Ночью, накануне «дня тишины», мои политехнологи отчудили: район был густо обклеен мерзкими карикатурами на Гаванскую, выполненными с помощью «фотошопа», мало кому тогда известного. С листовки смотрела настоящая кикимора, а ниже стояла глумливая до неприличия подпись. Мне позвонили из избирательной комиссии и предупредили: в случае моей победы предстоит серьезное разбирательство, чреватое отменой результатов.

— Зачем вы это сделали? — орал я.

— Люди Гаванской срывали ваши портреты. Мы отомстили... — объяснял Боря, отводя глаза.

Тогда я бесился, недоумевая, и лишь потом сведущие люди мне объяснили: скорее всего, мои политехнологи сговорились со штабом соперницы и за хорошие деньги крупно меня подставили на случай победы, давая повод ее оспорить. В день голосования, судя по опросам на выходе, я лидировал с тем же отрывом в 1–3 процента в зависимости от района. Но вдруг за час до вскрытия урн вялая явка взрывообразно активизировалась, словно в округ сбросили на парашютах дивизию избирателей, причем почти все «десантники» дружно проголосовали

за Гаванскую, и она мгновенно обошла меня почти на десять процентов. На следующий день мой штаб бесследно исчез, оставив множество долгов, не заплатив ни копейки даже водителю, работавшему два месяца на износ. Рассчитываться пришлось мне, отрывая из семейного бюджета, так как и у «Реалистов» внезапно кончились «единички». Когда я потом рассказывал бывалым людям, что не работал на избирательной кампании ни копейке, а наоборот, даже понес убытки, надо мной все дружно смеялись.

Прошло лет семь. После презентации в Доме книги на Новом Арбате моего нового романа «Грибной царь» ко мне, дождавшись, когда читатели разойдутся, приблизилась интеллигентного вида женщина и взволнованно призналась:

— Юрий Михайлович! Вы мой любимый писатель и должны знать... Я была тогда в избирательной комиссии 196-го округа. Победили вы! Но нас в последний момент заставили бюллетени нежившихся вбросить за вашу соперницу. Дали денег, я не могла устоять, да и отказываться было опасно. Простите меня и знайте, что победили вы!

Я с легкой душой отпустил ей этот грех. Не известно еще, как сложилась бы моя литературная судьба, впрягись я в депутатскую рутину. ■